

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава XVII

Подобно враждующим ангелам, звезды погружались за западный горизонт, в то время как другие поднимались над ним.

и бросились в погоню с противоположной стороны. Между ними целые созвездия Священные титанические образования парили в черном небе; а под звездным мечом Ориона одинокая пара взмахивающих крыльев господствовала над ночным небом. На океане ветра Лазарь пролетел между небом и землей, высоко над французской сельской местностью, устремляясь вперед, вверх и вглубь сумерек. Под его ногами неуклонно простирался бескрайний и постоянно меняющийся лик мира со множеством лесов, полей, холмов, долин, ручьев и рек. И пока всё Творение проносилось мимо него, его стремление на восток ни на секунду не ослабевало. Не теряла и его верная решимость — привести монаха и исполнить торжественное обещание оруженосца, данное давно ушедшему священнику.

Однако небеса больше не приветствовали его приближение, поскольку тонкая красная линия надвигающегося рассвета отчетливо протянулась по восточному горизонту. Лазарь спустился с небес, не успев заметить искомый ориентир. Вдали широкая извилистая черная лента петляла по долине среди верхушек деревьев — это явно была река Луара.

Он, изучая многочисленные карты аббатства, определил его облик и приблизительное местоположение. Он спрятался в самом сердце речной долины и обстреливал лесной покров. Пересек реку и миновал лес, резко повернул и опустил еще ниже, прежде чем выровняться прямо над бурлящей поверхностью реки. И в глубокой тени... В долине Лазарь следовал по черной артерии в сторону Леонского залива.

В своих крыльях он почувствовал новый холод, исходящий от прохладного воздуха, окутавшего речную долину. Затхлый воздух был сильно пропитан болотным зловонием: смешивающиеся запахи гниющих сорняков, гнилой древесины, застоявшейся грязи, грибов и мертвой, но вновь увлажнившейся рыбы свидетельствовали о недавнем дожде. Лазарь прижался к восточному берегу реки, ища укрытие от восходящего солнца. Однако болотистые берега представляли собой лишь пару размытых склонов, на которых нависающие деревья боролись за место. Многие из них стояли безжизненно и поникли, в то время как другие демонстрировали обнаженные корни, раскинувшиеся, словно раскинутые ноги, предлагая между собой лишь сырые норы животных. С рассветом, не видя видимого убежища, он ускорил шаг.

Лазарь стремительно выскочил из-за излучины реки и заметил приток на её западном берегу. Узкая жила отходила от Луары, окутанная тьмой и почти скрытая за густым пологом, напоминающим занавес. Он резко повернул, пересёк... Река, прорываясь сквозь подлесок, петляла вверх по мутной жиле, уворачиваясь от перекрученных ветвей и упавших стволов. Под ним застоявшаяся заводь ручья была черным зеркалом и напоминанием — даже хранителем времени. На ее поверхности он видел отбрасываемые силуэты верхушек деревьев, их ветви темно раскинулись на фоне нарастающего красного свечения небесного отражения. Он терял время; он знал, что солнце беспощадно; и с мрачной решимостью и каменной стойкостью Лазарь продвигался все глубже в стигийскую пустыню.

Узкий водоём извивался по дикой местности, словно корявая ветвь дерева, его берега были деформированы и испещрены множеством примыкающих и извилистых ручьёв, заросших водорослями. заливы и заросшие мхом полости. Еще глубже берега сменялись низинами, земля которых была настолько полностью затоплена со всех сторон, что не оставляла видимых следов. Водоток — казалось, лес вырос из листа черного стекла. И действительно, Лазаря серьезно встревожил смертоносный свет рассвета и его столь же эффективное, водное отражение. Он словно застрял между светом и тьмой, летя в густо заросшем ветвями лесу и паря над вод

неопределенной глубины. Однако он следовал по извилистой тропинке, где деревья не росли. расти, надеясь придерживаться истинного русла ручья.

Он двигался вперед сквозь затопленную глухую местность, деревья проносились мимо него по обеим сторонам, словно искривленные и дрожащие черные стены. Наконец, небо и вода окрасились в багровый цвет, представляя собой два противостоящих друг другу океана крови. Холод давно покинул его крылья, а лицо горело, словно открытое горячему ветру. Лазарь прищурился, оглядел окрестности и увидел то, на что надеялся: ручей начал обретать новые очертания, поднимая свои грязные берега из воды. Еще дальше он поднялся из своей некогда водной могилы, выпрямившись и став более четким, демонстрируя, что его тело стало шире, прямее и решительнее. По мере того как затопленные низины отступали, бывшая грязная жила превращалась в овраг, затем в ручей, а потом в реку, которая оттесняла лесную полосу. Темная роща болотных деревьев отступала за рядами высокой и поникшей речной травы, а среди травы еще выше поднимались прямые стебли, их устремленные в небо кончики образовывали вздутые серые перья. Он летел вперед, держа прямой и узкий курс над сердцем водного пути.

И тут оно появилось на северном берегу реки, словно ниспосланное свыше, внезапно выпрыгнув из-за горизонта. Лазарь пролетел мимо, но затем сделал широкий круг над водой, прежде чем укрыться в зарослях размокшего берега. Он сложил пару усталых крыльев, откинулся назад, закрыл глаза на палящее небо и сделал еще несколько глубоких вдохов. Затем он склонился и, опираясь руками на колени, тяжело дышал, а капельки пота непрерывно стекали с кончика его носа. Он обратил внимание на берег реки и обнаружил потрепанную рыболовную сеть, частично плавающую на поверхности, а остальная часть была погружена в ил грязного берега. В воде, застряв под сетью, Лазарус увидел, по-видимому, голову маленькой девочки. С открытым ртом она безучастно смотрела на него сонными глазами. И, словно тысяча крошечных червячков, синхронно шевелящихся в воздухе, ее распущенные волосы двигались вслед за плещущимися волнами, создавая сюрреалистическое изображение движения из неподвижной части тела. Но это была всего лишь игра с ним — это была затонувшая голова сломанной куклы.

Неподалеку, на заросшем кустарником берегу, он заметил остатки ветхой лодки: ее промокшие и развалившиеся доски днища лежали плашмя на берегу.

и частично скрытые под грязью и сорняками. Лазарь встал и подошел ближе, увидев след из луж, которые, казалось, соответствовали отпечаткам тяжелых мужских ботинок. Его взгляд проследил за ними по тропинке из примятых сорняков и направился к... Дверь из досок стояла у угла массивного каменного здания. Несмотря на свежие следы, местность казалась заброшенной. Здание было заросло лианами и молодыми саженцами; в своем живописном виде оно могло бы выглядеть жертвой голодного леса, медленно и полностью поглощаемого им. Однако его фасад не был полностью изъеден. Вдоль верхних краев его наружных стен из потрескавшейся, но в остальном прочной оболочки торчали два ряда гнилых деревянных балок. Под параллельными рядами выступающих балок прямоугольные пятна указывали на прежние окна, замурованные более новыми камнями. Несмотря на свое неухоженное состояние, для Лазаря здание казалось благословенным убежищем от дневного света. Он взглянул на красное небо, посмотрел на следы и задумался, как лучше всего объяснить, почему христианский летун должен прятаться от благодатного света Божьего.

«Там, в пустыне?» — окликнул Лазарь, осторожно раздвигая сорняки. Он постучал в дверь. «Могу я с вами поговорить?» Он насторожил уши и прислушался к звукам внутри. «Вы здесь?» Он ничего не услышал, кроме размеренного жужжания сверчков в окружающих зарослях и отдаленного всплеска, возможно, испуганной черепахи. Лазарус прижал руку к двери, приоткрыв ее, и вслух спросил: «Кто-нибудь?» Изнутри выскочил убегающий паук и промчался мимо него. Он проскользнул за дверь и шагнул в совершенно темное помещение. «Холлоу, здесь?»

Лазарь тотчас же выскочил из дверного проема, прикрыв рот рукой и задыхаясь от, пожалуй, самого ужасного и отвратительного смрада во всем мироздании. Он поспешил, пробираясь сквозь заросли, едва сдерживая рвотные позывы. Затем он обернулся, все еще кашляя, и снова осмотрел дверь. Из открытого входа в здание вылетела целая стая мух, которые присоединились к нему. Все вместе они кружили вокруг его головы, образуя сюрреалистическое и эфирное подобие жужжащего нимба. Лазарь ударил себя по щеке. Он посмотрел на них. Он взглянул на восток, всматриваясь сквозь узкую дупло кипарисовых деревьев, и обнаружил первые лучи света, падающие на уровне верхних ярусов лесного полога. Вверх по течению он не увидел других убежищ — только илистые берега и нависающие над водой заросли. Постоянное жжение на коже было невыносимым, напоминая о рассвете. Он повернулся к издевательской, широко раскрытой двери здания, которая, казалось, только и делала, что выдыхала воздух.

Сдавленное, прогорклое дыхание, возможно, сравнимое с отвратительным хрипом умирающей собаки. Он нахмурился, расправил плечи, глубоко вздохнул и снова вошел в здание. Лазарус закрыл дверь, когда его поглотили запах и темнота.

Прикрыв нос рукой и повернувшись спиной к закрытой двери, он стоял неподвижно, позволяя своим зрачкам на мгновение рассеять слои черноты и различить внутренние детали помещения — каменный пол; что-то вроде стола; еще один стол; еще одна дверь.

Его глаза слезились от зловония, которое, возможно, окутывало всё вокруг ещё гуще, чем крошечная тьма; запах обжигал глаза, словно выхлопные газы из адской трубы. Непрерывные трески и гудение наполняли всё вокруг. Здание. Он вытер глаза и снова сфокусировал взгляд на хмуром полу и стенах, поверхности которых, казалось, бурлили в темноте. Это были не его слезящиеся глаза, которые придавали им кажущуюся рябь; их лица действительно двигались — их окружали снующие мухи и волны тараканов, которые почти полностью их поглощали.

В кажущейся кипящей темноте проступали всё новые очертания здания. Над головой Лазарус заметил ряды изогнутых деревянных стропил. В совокупности они могли напоминать раскинувшуюся и пустую грудную клетку, подвешенную под ещё более высоким потолком. С них повсюду свисало множество веревок и цепей, концы которых были украшены разнообразными металлическими крюками и зазубринами. На многих из них висела свернувшаяся, плоская и сухая мертвая рыба. А над всеми ними, возможно, миллион мух играли на разрушенных глазах.

Лазарь шагнул к центру рыбного склада, раздвигая низко висящие цепи, которые гремяли за ним. Он остановился у прямоугольного деревянного стола, который, словно остров, занимал центральное место в помещении. Вся поверхность грубого предмета была испещрена глубокими линейными вмятинами и неровными перекрывающимися бороздками, словно подвергавшимися многократным ударам и движениям режущих лезвий. Он провел пальцем по его испачканной и изъеденной поверхности, прежде чем снова осмотреть стены здания. На них он заметил ряд кронштейнов для факелов, похожих на те, которые он помнил в катакомбах аббатства. Он повернулся обратно к входу и увидел рядом с ним, у стены, высокое ведро. В нем стояло множество перевернутых деревянных факелов. Рядом с высоким

Ведро представляло собой небольшое закрытое ведро — предположительно, маслостойкий перегонный куб для заправки факелов.

Он повернулся и взгляделся в самые темные уголки здания, просматривая сквозь свернувшиеся рыбы туши заднюю стену. По всей ее длине стоял длинный верстак. Верхняя часть верстака была завалена инструментами для снятия шкуры, засохшими рыбьими головами и комками соли. Под столом и на полу он увидел груды аккуратно сложенной одежды — в основном халатов и платьев, покрытых крысиным пометом. Верхняя одежда выглядела свежесложенной; однако ниже, ближе к задней стене. На полу одежда была сильно изношена. Рядом со стопками ткани на нижней стороне верстака аккуратно лежали туфли. Некоторые были новыми, другие — старыми, а третьи — изорванными, словно в них грызуны прогрызли дыры. Тем не менее, они лежали в строгом порядке, вместе с остальной обувью и одеждой. Это могло показаться сюрреалистичным — даже жутким. Однако, пожалуй, самым неземным в нижней части стола для Лазаря было то, что он увидел между его ножками крайнюю степень порядка и разрушения, которые сосуществовали в одном и том же пространстве.

Лазарь отмахнулся от мух, его стошнило, и он отошёл от верстака. Однако ему было не так легко избавиться от протухшего воздуха вокруг, как от его запаха. Запах был настолько сильным, что прилипал к коже и душил, что мог запросто перевернуться в горле. Он обыскал остальную часть загона, будучи убежден, что ужасный смрад исходил не от сушеной рыбы, а, возможно, от чего-то другого. Влажный и еще более ужасный источник. Его взгляд следил за потоком мух на юге. Он направился к стене и высокой потрепанной двери с толстой металлической защелкой. Он насторожил уши и прислушался к монотонному гулу, доносившемуся из-за двери. Затем он опустил взгляд на щель в пороге и увидел множество насекомых, влетающих и вылетающих, словно пчелы в суетливом улье. Лазарус склонил голову и подумал, что источником, загрязняющим воздух, является... испортил все, находясь за поцарапанной дверью.

Любопытство разбудило его, хотя в его памяти и звучал властный голос Ивана, предупреждавшего его о запретном Бенионском туннеле: «Никогда, Лазарь, в этот. Ты можешь свободно бродить по всем катакомбам, кроме этой — никогда». «Вот этот». Тем не менее, возможно, голая правда о Любопытстве заключалась в его способности вызывать искушение, достаточно сильное, чтобы разжечь желания, столь же дикие, как и в любом зверином сердце. Более того, какое животное способно следовать холодной дисциплине своевольности?

Невежество, даже нежелание игнорировать мучительное любопытство? Лазарь шагнул сквозь звенящие цепи к высокой двери, в то время как за ним расступилось море мошек и похожих на бумагу рыб. Он отпер высокую дверь и распахнул ее настежь.

Тук-тук-тук-тук! Лазарь отскочил в сторону и зашипел на голову, которая вывалилась и покатила по каменным плитам. Внезапно позади неё из открытого дверного проёма вырвалось облако насекомых, взмывающих на стропила, словно миллион маленьких экзоскелетных ангелов, выпущенных на свободу. Голова женщины неподвижно покачивалась и смотрела на Лазаря молочными глазами, с её шеи сыпались личинки, образуя кремообразную кучу. Лазарь отвернулся и закрыл глаза, словно это могло помочь освободить его чувства и остановить поток ужасных воспоминаний. И всё же, как и со всеми событиями прошлого, которые он так ярко помнил, было уже слишком поздно, поскольку его безупречная память была одновременно даром и проклятием, даже если он хотел вникать в мельчайшие детали самых ужасных событий своей жизни — как и сейчас, с этой кремообразной кучей.

Лазарь закашлялся, подавившись мошками. Он повернулся к высокой потрепанной двери и подвинулся ближе. Через открытый дверной проем он обнаружил очень широкую, но неглубокую соседнюю комнату, которая, казалось, занимала всю длину южной стены. Понимая, что находится в рыбном складе, Лазарь догадался о вероятном назначении этой комнаты: она служила отдельным и более гигиеничным помещением для хранения соленой и вяленой рыбы. Однако за закрытой дверью узкая комната, по-видимому, выполняла противоположную функцию, предотвращая порчу всего здания его содержимым. Дверь открылась, и Лазарь обнаружил пол комнаты, заваленный обнаженными и обезглавленными трупами. Возможно, пятьдесят или больше, все тела принадлежали женщинам, разного телосложения. Все они лежали в строгом порядке, руки вдоль тела, а шеи направлены на север, к двери. В целом, останки могли напоминать аккуратно сложенную связку дров, стопку сложенной одежды или даже ровный ряд обуви. И, как и одежда, трупы демонстрировали все большую степень разложения, поскольку по мере приближения к полу отдельные черты тел сливались в темную массу глубокого разложения. Нижний ряд представлял собой сплошной слой, напоминающий кипящую смолу, кишущую насекомыми. А на вершине этой ужасной кучи лежали сонные головы, устремленные в никуда, возможно, на самое безнадежное из всех человеческих страданий.

«Аргх!» Лазарь отскочил назад, схватил потерянную голову и швырнул её обратно.

Он вышел из комнаты и захлопнул высокую дверь. Пошатываясь, он направился к столу в центре рыбного домика, голова кружилась. Он снова оглядел грязное помещение, и его взгляд остановился на манящей внешней двери. За ней он знал, что воздух чистый, а земля свободна от муравьев и тараканов. Однако, по мягкому красному свечению, пробивающемуся из-под порога, он также знал, что Смерть поджидает его у двери. Наконец наступил рассвет — рыбный домик стал его убежищем на оставшийся день. Он стряхнул насекомых с ботинок, забрался на стол и бегом осмотрел стропила, прежде чем прыгнуть на них. Он оседлал балки и растянулся лицом вниз. Там он лежал, в безопасности от огненной колесницы небес и адского, покрытого насекомыми пола. И в этом внешнем мире Находясь в состоянии неопределенности, висая между Раем и Адом, Лазарь сбежал в более... Приветливый мир снов.

~*~

Тук-тук-шш! Тук-тук-шш! Лазарь вздрогнул от тревожных и неестественных звуков, которые могли напоминать ползание огромного зверя по размокшей земле, многократно ударяющего тяжелыми передними конечностями о грязь и волочащего за собой безжизненные задние конечности. Лазарь услышал тяжелое дыхание между ступенями и вспомнил день в Колодезной яме катакомб аббатства, когда оруженосец Татей поверил, что на оруженосца Мигеля напало чудовище. И действительно, теперь Лазарь слышал звуки, похожие на те, которые он представлял себе как звуки измученного и раненого морского чудовища, пытающегося выбраться с берега и найти свое последнее пристанище.

Лазарус перевернулся на бок и поморщился, потирая себя там, где его подвешенный вес давил грудью и ногами на балки. Он поднялся и присел на корточки на балках, после чего уставился на порог входной двери и ее красное свечение. Багровый свет, который он когда-то помнил, теперь приобрел другой оттенок красного — угасающий красный, — и он понял по непрекращающейся боли в стропилах, что рассвет дня наконец сменился сумерками. «Скоро ночное небо будет принадлежать ему», — успокаивал он себя. И все же он заметил проплывающие тени, пробивающиеся сквозь свет порога. Шум усиливался. Он затаил дыхание; сердце колотилось. Если дверь откроется, чтобы отразить хотя бы тонкий луч света ...

Бум! Дверь распахнулась. Фонтан солнечного света залил пол, распахнув дверь.

Бурлящее море тараканов. Волны насекомых рябили в тени. Лазарь отвернул свое обгоревшее на солнце лицо и закрыл глаза. Он поморщился и сжал челюсти, застыв как статуя. В своем слепом и настороженном состоянии он слышал тревожный шум, доносившийся в рыбный склад — словно волочащееся и хрипящее морское чудовище находило зловонное внутреннее пространство здания более привлекательным местом для смерти. Однако кажущийся стук передних конечностей зверя сменился более отчетливым звуком шагов человека, ударяющего по каменным плитам. Скрипели дверные петли, и ослепительный дневной свет померк. Лазарь открыл глаза. Он посмотрел вниз. Мы обнаружили мужчину, стоящего спиной к рыбному сараю и заглядывающего в щель почти закрытой двери. Он держался подозрительно или озорной человек, прячущийся внутри и шпионящий снаружи.

Из тени над стропилами Лазарь увидел спину незваного гостя: довольно полного мужчину с густой шевелюрой сальных черных волос. Грязевые пятна покрывали низ его кремовой мантии; под мантией Лазарь заметил пару черных сапог, похожих на его собственные, покрытых комками грязи. Линия грязных следов вела от сапог к центру комнаты. Только взглянув на испачканный стол, Лазарь обнаружил вероятную причину звука волочения, который он слышал ранее — он увидел вялую и хрупкую руку, лежащую на полу. Однако с его позиции Лазарь не увидел больше ни руки, ни тела хозяина, поскольку длинная столешница закрывала все обзоры, кроме бледной руки. Тем не менее, он не осмелился попытаться разглядеть что-либо еще и рискнуть услышать скрип поперечных балок.

Наконец, мужчина отошел от двери и набрал факелы из высокого ведра. После этого он открыл крышку меньшего ведра, смочил факелы маслом и обошел по периметру рыбного склада, вставляя факелы в настенные кронштейны. Несколько взмахов огнем он зажег всё помещение пылающими факелами. Затем он вернулся к наружной двери и, ненадолго выглянув наружу, запер её наглухо закреплённой перекладной. Наконец, он резко обернулся и уставился на верстак у задней стены, где аккуратно лежали стопки одежды и обуви. Он хлопнул в ладоши и приложил кончики сложенных в молитве рук к улыбающимся губам, словно желая насладиться угощением. Лазарь обратил внимание на мельчайшие детали его черт лица: оливковый цвет кожи, жесткая черная борода, темные глаза и выступающий, клювообразный нос. Хотя лицо мужчины показалось Лазарю чужим, наиболее тревожной его чертой было...

Неестественное расстояние между его глазами — на таком, казалось бы, крепком лице, узко расположенные глаза мужчины в совокупности создавали довольно тревожный циклопический взгляд.

Лицо мужчины мгновенно изменилось; его ухмылка сменилась хмурым выражением под суровым лбом. Он шагнул вперед, поднял с пола безжизненную женщину и положил ее вдоль стола. Он подпер руки женщины и расположил ее по центру стола, поправляя ее позу, как будто она была куклой в натуральную величину. Когда Лазарь посмотрел на нее сверху вниз, она, казалось, ответила ему широким взглядом голубых глаз, полным глубокого отчаяния. И все же, в ее взгляде не было и следа ужаса. Ее глаза резко контрастировали с довольным выражением ее расслабленного лица — казалось, она смотрела на него с противоречивыми чувствами отвращения и самодовольства, одинаково отмеченными как пораженным взглядом, так и едва заметной ухмылкой в уголке губ. И вот она лежала, глядя на него снизу вверх, сверля его взглядом, возможно, даже в самые глубины рая, в то время как мужчина начал снимать с нее одежду. Осторожно и аккуратно пальцы мужчины двигались, как любящая мать со своей прикованной к постели дочерью, он тщательно складывал каждый стежок одежды и укладывал ее рядом с привязанным к столу трупом.

Лазарь пошатнулся и, чтобы восстановить равновесие, схватился за балку. Он прикрыл рот рукой и поморщился от неожиданной волны тошноты. Сквозь монотонное жужжание мух и щелканье насекомых Лазарь слышал каждый тяжелый вздох мужчины, сопровождаемый непрекращающимся бульканьем мокроты; и он наблюдал за толстыми пальцами мужчины, которые изящно разглаживали и складывали последний предмет одежды. Лазарю эти пальцы не казались ручкой опытного рыбака, они выглядели пухлыми и нежными, в отличие от более длинных, тонких и толстокожих пальцев его отца — или его собственных, если уж на то пошло.

Мужчина отнёс одежду и обувь трупа к задней стене, где положил их под верстак, среди аккуратно собранных человеческих одеяний. Там он оставался, повернувшись спиной к Лазарю, и занимался вещами на прилавке. Лазарь вздрогнул, когда мужчина окликнул его через плечо: «Я Рыбак — Рыбак для всех людей; и ты отсюда не уйдёшь! Нет; никто не сбежит из рыбного дома, оказавшись внутри — ни один!»

Лазарь затаил дыхание.

Рыбак продолжил: «Вы мне не верите?»

Лазарь отказался отвечать, и мужчина вонзил острое разделочного ножа в столешницу верстака, крича: «Судя по вашему молчанию, я полагаю, что вы не...»
Поверьте мне. Тем не менее, я научу вас обратному. Никто не сможет скрыться от меня, даже вы. Я вижу всё — особенно дела и деяния дьявола!

Однако рыбак отказался смотреть на Лазаря, вместо этого повернувшись к нему спиной, скосил комки соли в кучу, а затем раздробил их в горку мелких гранул. Он собрал рассыпчатую соль в ладонь и растер ею руки и шею, словно купаясь. И внезапно, преувеличенно задыхаясь, он выплюнул содержимое горла и сплюнул его рядом с сапогом. Тараканы разбежались. «Я спрошу вас еще раз», — крикнул рыбак в ответ, хватаясь за что-то. нож со стола: «Не веришь мне, отродье дьявола? Дай мне ответ!»

Чувствуя себя совершенно незащищенным на открытых стропилах и всё сильнее ощущая головокружение, Лазарь признал поражение. Он вздохнул и задумался о своём появлении в качестве летающего христианина ...

Мужчина отскочил от верстака, размахивая ножом и схватив обнаженный труп за волосы. «Ответь мне, ведьма!» Он покачал головой мертвой женщины, приставил лезвие к ее шее и закричал: «Теперь ты мне веришь?»

Лазарь сжал поперечные балки, посмотрел между ног и вниз на, казалось бы, фантастические события, происходящие под ним.

«Ах! Значит, теперь ты признаешься, — воскликнул рыбак труп, — когда все потеряно, когда у тебя нет готовой защиты!» Затем, словно любящая мать, он снова вытащил... Она глубоко вздохнула и улыбнулась, затем нежно поправила волосы и сказала: «Отдохни спокойно». «Моя дорогая». Он лизнул белок её глаза и ещё больше утешил её, и слабым шепотом, который Лазарь всё ещё слышал, сказал: «Не нужно слёз. Ведьмы не должны плакать — только милые цветочки чувствуют свою скорбь».

Лазарь наблюдал, как рыбак вернулся к верстаку. Мужчина заточил свой Он облокотился лезвием на точильный ремень, окликнув покойную женщину, словно отвечая на невысказанный вопрос: «Да, ты прекраснее большинства». Почему?"

У Лазаря кружилась голова, в животе всё кружилось. Ленивые мухи докучали ему по лицу.

Мужчина усмехнулся про себя и добавил вслух: «Никогда с тобой, девка. Ты не сможешь меня соблазнить. Я понимаю твою уловку: ты притворяешься цветком, чтобы скрыть семена зла».

Лазарус подавил кашель. Он оглядел внутреннее пространство здания. Только тогда он понял причину своей тошноты: поднимающиеся факельные испарения неуклонно скапливались у потолка, перекрывая ему доступ воздуха — он не мог оставаться на стропилах.

Он посмотрел на порог входной двери и увидел, что снаружи все еще меркнут последние лучи дневного света — выбраться из рыбацкого домика было непросто. Он повернулся и взглянул на высокую потрепанную дверь, прежде чем снова перевести взгляд на широкую спину рыбака, хотя нарастающее желание закашляться становилось все более очевидным. Он не знал другого выхода, кроме неотложной конфронтации и убедительной демонстрации своих способностей.

Он двигался бесшумно, уперевшись руками в деревянные балки, и осторожно опустил над мертвой женщиной. Затем, опираясь на нее с обеих сторон, он встал на стол. Его взгляд не отрывался от рыбака, пока он приседал над ней. Он затаил дыхание и, собрав все силы, изогнул осанку и сместил центр тяжести, пока его ботинки бесшумно не коснулись пола. Он шагнул, словно кошка, к зарешеченной входной двери, остановившись перед ее светящимся порогом. Однако, прежде чем он успел обернуться — прежде чем он смог поднять руку и сдержаться — он закашлялся.

Лазарь и рыбак резко развернулись лицом друг к другу. В свою очередь, испуганный мужчина потерял нож, когда тот, вращаясь по каменным плитам, упал неподвижно на северную стену.

Лазарь оторвал взгляд от ножа, расправил крылья и зашипел на рыбака.

«Держитесь подальше!» — закричал мужчина, отступая к южной стене.

Лазарь собрался с силами и поднял свои крылья, и остался охранять дверь, которую он пока не могли себе позволить, открытые дневному свету. «Оставайтесь на своих местах».

«О, я так и сделаю — вот здесь — прямо здесь, если хотите», — пробормотал мужчина, похлопывая по плечу. Рядом с ним лежали каменные стены. Тараканы разбежались. Он украдкой взглянул через здание туда, где лежал его нож для снятия шкуры.

Взгляд Лазаря проследил за его взглядом; он зарычал. «Оставь это!» Их взгляды встретились поверх центрального стола и трупа. «Садись там, где стоишь». Но когда мужчина остался стоять, Лазарь добавил: «Я скоро уйду отсюда. Если ты сядешь, то и я сяду; и никому из нас не будет причинен вред». Вместе они медленно присели на корточки, и как только их общий взгляд прошел под трупом и столом мясника, они снова встретились взглядом. И вот они сидели, присев на корточки, тихо размышляя друг о друге.

Наконец Лазарус снова взглянул на порог позади себя, где мерцало его свечение.

«Вы ждёте наступления ночи, да?» — спросил рыбак.

«Я скоро тебя покину», — заявил Лазарь.

Мужчина кивнул. «Возможно, так и будет. Скоро наступит ночь». Он застонал и пересел на пол. Прислонившись спиной к стене, он поднял колени и положил на них руки. «Как ты проник через запертую дверь? Эта ведьма тебя вызвала? Кто ты такой? Демон?»

«Я уселся на стропила крыши. Я не демон».

«Ах! И, конечно же, вы не демон; однако ваши крылья и зубы наводят на эту мысль».

Мужчина откашлялся и представился: «Амад, я — Амад Гастон, сын Барабасса Гастона.

Позвольте спросить, как вас зовут?»

Вас знают?

«Лазарь — летающий человек», — коротко ответил он.

Мужчина медленно и глубоко склонил голову. «Честь принадлежит мне, Лазарь, летающий человек».

Лазарь резко дернул неглубокий лук, возвращая его на место.

Любопытный рыбак нарушил затянувшееся молчание между ними, сказав: «Хотя я превосходный рыбак, сведущий писец и знаток многих чудес...»

«Должен признаться, что ваш крылатый облик глубоко тревожит мои чувства.

Действительно, если бы я был обычным богобоязненным человеком, я бы, наверное, поклялся, что вы — сам Дьявол». Он пожал плечами. «Однако, поскольку я не такой человек, и, следовательно, вы не можете быть Дьяволом, возможно, мне следует

воспринять эту случайную встречу как урок, свидетельствующий об еще одном чуде света — о летающем. Он наклонился вперед и кивнул. «Ты говоришь правду? Ты всего лишь летающий».

«Мужик, и ты скоро отправишься в путь, не так ли?»

«Я не лгу, — ответил Лазарь. — Я христианин, летающий человек, и скоро я уйду».

«Ну, я не христианин, — заявил рыбак. — Однако я и не лгу, будучи добрым и честным человеком, каким я себя и ожидаю». Высоко подняв брови, он откинул волосы назад, словно желая показать себя с лучшей стороны. Затем он вытянул ногти, осматривая их. После этого он поджал губы, приложил к ним палец и задумался — возможно, чтобы придать преувеличенное выражение своим безупречным способностям. «Ах!» — он щелкнул пальцами и указал на Лазаря. «Я узнал его имя».

"Имя?"

«Да; это название стиха, который я напишу о своей встрече с тобой. Это будет захватывающее произведение». Он усмехнулся. «И весь мир будет восхищаться им». Он раскинул руки к потолку и широко размахивал ими, словно обращаясь ко всему небу. «И стих будет озаглавлен: „Крылатый демон, называющий себя христианином“».

«Это была бы ложь; а вы утверждаете, что не лжете», — заявил Лазарус.

«Разве это так? Видите ли, даже демон может утверждать, что не лжет. И любой богобоязненный человек, увидев вас, может поклясться, что вы демон».

«Но ты же сказал, что не боишься Бога».

«Верно; однако те люди, которые могут прочесть такой стих, — ну, они боятся своего Бога».

Он пожал плечами. «Возможно, дело сводится к следующему: слово одного летающего человека, который называет себя богобоязненным, против слова остального богобоязненного мира, не так ли?»

«Я не демон. Создание ложной записи в таком качестве было бы ложью», — упрекнул Лазарь .

«Кому? Как ваше единственное утверждение может противостоять сотне противоположных утверждений?»

Как ты можешь быть прав, а сотня человек — неправ? Неужели ты настолько божественен, чтобы делать такие заявления?

«Я знаю эту истину лучше, чем кто-либо мог бы предположить: я — летающий человек-христианин, а не демон, притворяющийся демоном».

«Однако кто может возразить против голоса ста человек?» — он склонил голову.

«Сто человек, включая меня, могут ошибаться, если они ошибочно предположат то, что...»

«Это верно».

«Ах, великолепно!» — воскликнул рыбак, хлопая в ладоши. «В ваших нескольких словах...»

«В обороне вы опровергли заявления тысячи, тысячи человек!»

Лазарь скривил лицо. «Что ты делаешь?»

«Я разговариваю с вами. И я сижу, как вы и просили».

«Нет; зачем вы с ними так поступаете?» — спросил он, указывая на труп.

— О, ведьма, — ответил он, раздраженно махнув рукой, — все они одинаковые, заманивают.

«Используйте добрые сердца мужчин ради дурной выгоды. Не обращайтесь на неё внимания».

«Ты её убил?»

Мужчина усмехнулся. «Убийцы ведьм убивают ведьм, мой дорогой друг. Это то, чем мы занимаемся».

И, будучи христианином, каким вы себя называете, вы ведь слышали о ведьминских инквизициях, не так ли? Он указал на них обоих и продолжил расспросы: «Если я не смирюсь и не возьму это на себя, то кто же это сделает? Вы?»

«Вы делаете это ради Святого Престола? Церковь велела вам убивать женщин?»

«Ведьмы, колдуньи, ведьмы и заклинательницы — не женщины; я не убиваю женщин и детей».

«С тобой что-то не так».

Мужчина склонил голову, притворяясь приятно удивленным. «О? И расскажи, пожалуйста».

«Я видел тебя, ещё до того, как ты ей что-то прошептал — твой язык у неё в глазу». Лазарус покачал головой. «Я думаю, ты называешь её ведьмой только для того, чтобы украсть её одежду и обувь».

Лазарь наблюдал, как лицо рыбака окаменело. Внезапно оно словно раскололось от его ревуших слов. «Не приходи в мою скромную обитель и не смей давать мне советы, летающий человек! Ты ничего обо мне не знаешь; ни о моем гнусном долге перед праведностью; ни о хитрых кознях ведьм!» Он украдкой взглянул на стопки одежды, прежде чем перевести взгляд на нож для разделки. Мужчина повернулся к Лазарю, прищурив глаза. Лазарь промолчал, чтобы не еще больше разозлить рыбака. Мужчина наклонился вперед, выпятив свое пухлое лицо. В туманном свете факела, сквозь кружащийся круг мух, Лазарь изучал свои глаза — все они, казалось, сливались воедино, принимая облик единственного чудовищного шара, который вечно смотрел на него. Мужчина прорычал: «Я вижу тебя насквозь. Мы совершенно разные; ты и я. Ты лишь притворяешься мудрым, повторяя слова других; тогда как я говорю и записываю свои собственные слова, поскольку я мудр». Мужчина расслабился и усмехнулся. «Послушай меня сегодня. Я напишу о тебе, о славный Лазарь, вечный стих претенциозный летающий человек, опозорившийся в свете Истины и съездившийся в тени Мудрости. Я полностью обнажу тебя и сделаю тебя голым.

мир». Рыбак подмигнул и усмехнулся, добавив: «Поскольку я совершенно от вас независим, у меня есть и методы, и средства, чтобы развлекать умы людей».

Лазарь сжал челюсти, глубоко вздохнул и, ссылаясь на Писание и пристально размышляя, ответил: «Мудрость от Бога. Ты, кажется, убиваешь, чтобы завидовать женской одежде. И что ты сделал с её глазом?» Он покачал головой. «Нет, сердце твоё не от Бога».

Рыбак нахмурился. «Бог? Кто такой Бог — твой?»

«Есть только один Господь Бог Всемогущий, Который на небесах».

«Я ожидал такого ответа. В конце концов, тебе нужно защищать свою веру. Учителя твоей веры научили тебя отвечать именно так, когда другие люди ставят под сомнение твоего Бога. Тем не менее, в защиту своей веры ты не можешь привести никаких ссылок на какие-либо написанные или сказанные слова, которые я бы уже не предвидел и не смог бы опровергнуть, просто свидетельствуя мудростью, рассудительностью или задав встречный вопрос. Поэтому избавь себя от боли, связанной с тем, что я могу оказаться несостоятельным перед тобой, особенно в свете твоей собственной веры». Он склонил голову и улыбнулся, ожидая ответа Лазаря .

«Вы не достойны Бога».

Мужчина нахмурился, возможно, ожидая от него большего.

Между ними воцарилась минута молчания, нарушаемая лишь монотонным жужжанием насекомых и потрескиванием горящих факелов.

Лазарь снова взглянул на багровый блеск под порогом двери, когда рыбак окликнул его: «Ты хочешь знать, как я стал таким непохожим на большинства, да? Я это чувствую. Если тебе так важно знать, я тебе расскажу». Как это произошло.

Лазарус пожал плечами — ему не хватало времени, чтобы стемнеть. Он кивнул. «Мне интересно. Расскажи мне всё».

Мужчина усмехнулся и кивнул в ответ. «Как я и ожидал... что ж, тогда я так и сделаю. Как так случилось, мои родители принадлежали к разным королевствам, разделенным океанами; однако однажды, когда они оба искали ракушки на сардинском пляже, их следы пересеклись, и они полюбили друг друга. Несмотря на разные вероисповедания, они тайно поженились, поклявшись, что не будут проявлять неуважение или оспаривать веру друг друга. Спустя целый сезон их необычного союза я родился. И поскольку я был их ребенком, они согласились обучить меня обоим своим вероисповеданиям, так к

Хотя они и были связаны между собой — словно два похожих рассказа. Когда я повзрослел и смог усомниться в их различии, мои родители тоже поклялись. Мне нужно было молчать, чтобы я никогда не рассказывала другим о своих необычных убеждениях или о различиях в вере моих родителей. В конце концов, мы жили в королевстве, на земле моего отца, и его мудрецы и старейшины племен запрещали любое выражение противоположной религии. Мой отец был поистине хорошим человеком, поскольку позволял моей матери тайно исповедовать свою веру, зная, что его голова легко может оказаться под острием клинка, если она признается старейшинам в своей истинной вере. И все же, в своей неизменной преданности Старейшины ничего не знали. И со временем я однажды принял не одного, а целых семь богов». Рыбак взгляделся в лицо Лазаря.

«Семь?» — спросил Лазарус, многозначительно кивнув и еще раз взглянув на все еще светящийся порог. «Да так много богов?»
Рыбак щелкнул пальцами и лукаво улыбнулся. «Я ожидал такого вопроса».

И словно мимолетное дежавю в его воображении, Лазарус вспомнил, что уже ожидал, что этот человек начнет хвастаться: уже ожидал такого вопроса. Более того, он каким-то образом знал, что этот человек может продолжать говорить о себе даже до наступления темноты.

«И правда. Я поклонялся семи богам», — продолжил мужчина, приподнимая носок ботинка, наблюдая за приближающимся к нему ползучим жуком. «Мой мудрый отец молился шести богам, а моя добрая мать — только одному, и это был ваш бог, которого вы теперь защищаете как единственного». Мужчина опустил ботинок; жук лопнул, и он улыбнулся Лазарю. Он наклонился вперед и добавил: «Видите ли, я знаю всё о вашем Боге — у меня был только один бог».

«Либо ты принимаешь Его, либо нет», — сказал Лазарь. «А поскольку ты уже знаешь Его, но предпочитаешь отвергать Его, я полагаю, что мне мало что могу предложить, чтобы убедить тебя в обратном». Лазарь посмотрел на него и спросил: «Возможно, что-то всё-таки произошло?»
«Это настроило тебя против Него?»

Рыбак сердито посмотрел на Лазаря. Затем он громко поперхнулся и откашлялся, словно желая подчеркнуть момент отхаркивания. Он сплюнул мокроту рядом со своим ботинком и бросил на Лазаря суровый взгляд. «Позвольте мне закончить мою

«Скажите что-нибудь, прежде чем начать излагать свою чушь».

«Простите меня», — сказал Лазарь.

Он снова откашлялся и смягчил взгляд. «Да, в общем, все закончилось, когда мама узнала, что мой отец тайно ухаживал за другими женщинами». Он покачал головой. «Между нами было так много секретов. Мать была такой же страстной, как и он, мудрой», — вздохнул он. «В порыве страсти она взяла его меч, пока он спал. Но он проснулся и, в смятении, почти заснув, приняв ее тень за тень незваного гостя, убил ее — она умерла на месте. Она бы не причинила ему вреда; она поклонялась ему, как восходящему солнцу».

«Соболезную вашей утрате», — ответил Лазарь, мельком взглянув на порог.

«Ах, полагаю, вы правы», — сказал мужчина с явным сарказмом. «Тем не менее, я проснулся на следующее утро, ничего не зная о произошедшем. Помню тот день. «Я все еще лежал в постели, наслаждаясь теплым солнцем, пением птиц, тяжелым паром зеленых долин и молитвами благодарности моим многочисленным богам, не подозревая, что моя умершая мать и плачущий отец лежат рядом со мной в соседней комнате». Он пренебрежительно махнул рукой в сторону Лазаря. «Да, я знаю, что вы скрываете сочувствие ко мне — не нужно, добрый господин».

Лазарь лишь пожал плечами.

Мужчина продолжил: «Опустошенный потерей единственной истинной любви в своей жизни, мой отец вскоре покончил с собой; однако перед смертью он потребовал от меня поклясться: что я должен полностью отказаться от его веры и принять веру моей матери — с ее единым Господом Богом Всемогущим. Я был недоволен им; я отказался. Тогда он заплакал; затем он умер, и я оказался один, и с семьей — семьей богами, которые вместе взятые не смогли бы защитить даже мужа и жену от их собственной бессмертной любви друг к другу». Он наклонился вперед, снова вглядываясь в лицо Лазаря .

Лазарь кивнул. «Семь».

«Семь!» — воскликнул мужчина, подняв столько же пальцев. Затем он хлопнул в ладоши и ухмыльнулся. «И я похоронил обоих своих родителей, каждого по обычаю, и оставил девять могил в песке, прежде чем покинуть свою родину».

«Девять?» — Лазарус почувствовал непреодолимое желание спросить.

Рыбак усмехнулся. «В точности столько же; ведь я похоронил вашего Бога в тех рядах». **а также МОГИЛ».**

Лазарь упрекнул его: «Он — Первый и Последний, и Слово Его никогда не погибнет».

«В глубине моей памяти я полагаю, что это была его третья могила. А что насчет слов? Я поэт, бессмертный. В словах я никогда не умру, мой славный Лазарь, летающий человек». Он щелкнул пальцами и прошипел, словно шепча тайну: «Пока хоть одна душа слушает, я живу, чтобы шептать слова. Это правда. Я — это я».

Между ними воцарилась лишь минутная тишина, которую нарушил приступ ярости рыбака. Раздался оглушительный смех. Он несколько раз ударил руками по каменным полам, восклицая сквозь барабанный бой: «Скажи мне, о Лазарь, летающий человек! Какая вера истинная, а какая ложная? Поспешите! Ответьте мне! Ответьте мудрым!» поэт, чтобы мы все не умерли без него!

Лазарь встал. «Прекратите!»

Мужчина рассмеялся и указал на него обвиняющим пальцем. «Как я и ожидал! Тебе больно даже думать о своем ничтожном месте в этом мире». Он прислонился к стене, все еще посмеиваясь и качая головой. «О, какая скорбь у них возникает, когда они задумываются о возможности ошибиться в том, что они хотят считать правильным». О, сомнение, которое видение и разум приводят к слепой вере». Он посмотрел прямо на Лазарь. «Разве ты не чувствуешь тревожного ощущения в своих размышлениях о себе?»

Лазарус снова присел на корточки, его взгляд был прикован к обветренному лицу мужчины — и к его глазам. Он упрекнул его: «Я чувствую, что существует много ложных верований и пророков, исповедующих их; однако я знаю, что моя вера во Всемогущего Бога — единственная истинная вера».

«Лжь!» — закричал мужчина, шлёпнув себя по полу. Полетели мухи. Он поспешно скрестил руки на груди и крепко обнял себя, раскачиваясь взад-вперед, уставившись в потолок и выговаривая слова, которые, казалось, знал наизусть. «Нет богов. Нет рая. Нет ада. Нет ни ангелов, ни святых, ни...»

«Демоны или дьяволы». Он несколько раз покачнулся и уставился вверх, погружаясь в собственные мысли, и продолжил: «Никаких признаков их существования нет — нигде — никакого подтверждения — ни намек — ни следа...»

«Лжешь», — твердо ответил Лазарь, привлекая к себе внимание мужчины. «Писание — это подтверждение. Это Слово твоего Всевышнего Господа и Спасителя, которое ты отрицаешь».

Мужчина замер, и Лазарь заметил резкую перемену в его выражении лица; его настроение, казалось, мгновенно изменилось — из лица неуравновешенного человека, явно находящегося в душевном смятении, он превратился в лицо невозмутимого человека с благородной и высокомерной осанкой. Он поднял подбородок и посмотрел на Лазаря своим клювообразным носом. «Твои писания, как ты их называешь, — это всего лишь результат совместных усилий давно умерших и фанатичных книжников, желавших, чтобы все потомки услышали их слова как единое целое — как единственное слово Бога и веры, которое они представляли себе между собой. Так уж получилось, что люди пишут о богах и демонах, поскольку боги и демоны никогда не писали о себе». Он погрозил пальцем Лазарю, кивнув. «Возможно, ты удивисься, откуда мне известно такое великое».

«Неудивительно», — проворчал Лазарус, еще раз проверяя дверь.

«И я вам скажу», — продолжил рыбак, не обращая внимания на его замечание. «За многие годы моих путешествий по разным странам и с разными народами я встречал множество подобных писаний, как ваше, и все они провозглашали себя священными словами» и божественные указы богов. Я видел их в разных формах: пергаменты, глиняные сосуды; каменные и деревянные таблички; резьбу на стволах деревьев; даже шрамы и отметины на лицах и животах людей, которые утверждали, что они были божественно и безболезненно нанесены во сне». Он хлопнул в ладоши. «И, возможно, вам захочется узнать, что, как я понял, является наиболее распространенным среди них?»

«Я этого не желаю» . Лазарь заметил.

Однако мужчина не сдавался. «Их сходство заключалось в том, что, что бы они ни передавали как божественное послание, они всегда читали и другую часть своего послания: божественное послание было абсолютной истиной, так что любое другое утверждение об обратном было ложным. И почему ваше Писание может отличаться от остальных этих «бо

«Послания», ведь оно также провозглашает, что другие веры и боги нереальны, за исключением тех, которых оно стремится сделать реальными? Почему так, чтобы это не оказалось всего лишь еще одним «божественным посланием»? Среди многих? Скажите, пожалуйста, какая в этом более великая истина? И как вы можете отрицать мою правдивость?» Он усмехнулся и подмигнул.

Наконец, Лазарь упрекнул его: «Правда в том, что ты не принимаешь Господа и Его Слово. Как и другие, которые не принимают или не понимают того, что не принимают, так и ты поступаешь так же. Именно твое отрицание — твоя гибель. А если бы ты действительно принял...» «Если вы говорите слово Божье, наш Небесный Отец, то вы не будете утверждать, что говорите правду, и при этом отрицать Писание. Вы не можете отрицать эту истину, тем более ложью».

«О, но я могу — и уже делал это», — возразил рыбак. «Я не лгу. Я хороший и праведный человек — даже честный».

Лазарь посмотрел на труп на столе и покачал головой. «Нет; ты злой человек, лишь притворяющийся добрым. Ты не можешь противостоять Богу ничем хорошим, кроме своего неверия в Него и Его Слово».

Лазарь заметил муху, которая проползла по лбу рыбака ; она остановилась прямо между его бровей.

Мужчина, казалось, не замечал жучка у себя на лбу, усмехнулся и ответил: «Я ничего не выиграю, если разрушу вашу веру. Только вы можете проиграть, отвергнув её перед лицом непоколебимой Истины». Он протянул ладони и пожал плечами. «Вы видите ли, бремя истины лежит на вас, а не на мне, поскольку я не утверждаю, что боги существуют ». Он широко улыбнулся, когда Лазарь увидел, как муха ползет по его лицу, а затем впивается в бороду.

«Бог существует. Нет других богов до него. Он есть — и я есть», — заявил Лазарь. «Это так? Являюсь ли я?» — спросил его мужчина. «А если бы я сказал тебе, что за этим стоит твой Бог?» «Дверь, — спросил мужчина, указывая на высокую потрепанную дверь, — вы мне поверите?» «Я бы вам поверил».

Рыбак наклонил голову и нахмурился. «Почему вы слепо верите мне, когда бремя истины должно лежать на мне, чтобы доказать, что ваш Бог находится за дверью?»

«Возможно, вы не видите истины, потому что ищете того, кто должен нести её бремя?»

«Хорошо, — сказал он, словно задумавшись, приложив палец к подбородку и отгоняя некогда впившуюся муху от бороды, — поскольку я не открыл дверь и не раскрыл правду о своем утверждении, как вы могли поверить мне раньше?»

«Я ожидал такого вопроса, — ответил Лазарус. — Мне не нужно, чтобы мне открывали дверь».
знать, что Дух Божий вездесущ и присутствует во всём. Он за этой дверью; в этих камнях стены; в стропильных балках крыши ...»

Он отмахнулся от мухи и ткнул пальцем в сторону трупа. «Он даже в ее.»

Мужчина отмахнулся от него, усмехнувшись и покачав головой, а Лазарь продолжил: «Кто сотворил её, если не Господь Бог? И кто сотворил горы и реки, солнце и луну? Ты?» Он покачал головой.
«Нет; Бог Всемогущий сотворил всё — так написано в Писании. Так что можешь оставить дверь закрытой и быть уверенным, что всё в тебе — доказательство присутствия Бога ».

— Думаю, нет, — возразил мужчина. — Единственное доказательство, которое вы можете мне предоставить, — это показать мне, что мой рыбный домик — что там ведьмы — и что здесь есть всё, что должно быть здесь. Он поднял руки. — Но вы ещё не убедили меня в том, что ваш Бог — это нечто большее, чем ваше желание, чтобы он был реальным, — если, конечно, вы этого не желаете.
«Открой Его мне через глаз ведьмы или через лик луны. Можешь показать мне? Я бы, наверное, был по-настоящему тронут благодарностью за это».

Лазарь наблюдал, как рыбак наклонился вперед, украдкой взглянув через пол рыбного склада на свой нож для разделки рыбы.

«И я бы хотел, чтобы ты оставался на своем месте», — прорычал Лазарус.

Мужчина расслабился, прислонившись к стене, и вздохнул. «Ответьте мне вот что: если бы не было камней, брёвен, ведьм, гор или даже солнца — если бы не было ничего, то как же это возможно?»
Вы бы всё ещё верили в существование своего Бога?

«Если бы ничего не существовало, то и я был бы ничем и ничего не мог бы знать». Однако, поскольку я — это я, то я знаю, что Бог тоже существует, поскольку я не создал себя сам.

Мужчина сжал челюсти и обдумал ответ Лазаря. Последовала короткая пауза.

Наконец, мужчина спросил: «Почему вы принижаете Великого Творца, называя его всего лишь богом, царем или отцом?»

«Великий Творец? Вы хотите сказать: „Бог Всемогущий“?»

«Нет. Я не говорил «всемогущий Бог»; я не говорил «царь», «господин» или «герцог богов»; я говорил...» Я не сказал «Бог Добра» или «Бог Зла». Я сказал «Великий Творец», которому не нужно ни славного имени, ни благородного титула.

«У Всемогущего Бога много имён. И вы даёте Ему ещё одно, называя Его „Великим Творцом“».

«Я этого и ожидал», — вздохнул он, постукивая неподвижным пальцем по ноге и отчитывая Лазаря. «Во всех местах, где я бывал, с каждым человеком, которого я встречал, кто клялся в верности Богу, он провозглашал то же самое, что и вы сейчас, — что его Бог — Великий Творец. Однако Великий Творец — не Бог людей. Великий Творец создал людей и заставил их удивляться этому миру и верить в своих богов. Пойми это, если хочешь, мой славный летающий человек, который называет себя Лазарем».

«Бог есть Истина; мне нет нужды защищать Его перед лицом богохульства».

Рыбак поморщился, а затем усмехнулся. «Бог есть Истина? И это всё — вот так просто — ничего больше?» Он разразился смехом. «Ну, конечно, вы можете так говорить; точно так же, как любой человек мог бы сказать в защиту своего Бога, что его Бог есть Истина. В конце концов, какой человек был бы настолько глуп, чтобы исповедовать веру в ложного Бога?» Он усмехнулся. «Вы сказали и ничего, и много одновременно — ничего существенного в защиту своего Бога; и всё же, это многое говорит о вашей неспособности убедительно защититься даже самым простым утверждением».

«Я же говорил вам, что не защищаю Его; я лишь делюсь Его Истиной», — заявил Лазарь. «О?» — мужчина наклонился вперед. — «Тогда ответь мне на этот вопрос: добр ли Великий Создатель или зол?»

«Если вы обращаетесь к Богу, то Он благ».

«Лжь! Великий Творец — это всё! Всё от Великого Творца — всё доброе, всё злое, от цветов до ведьм — всё! Как ты можешь утверждать, что делишься истиной, если предлагаешь лишь полуправду? Я также подозреваю, что ты считаешь, что зло исходит только от дьяволов и демонов, верно?» Он кивнул, улыбаясь.

«А откуда взялись эти злые создания — они сами? Расскажите мне, пожалуйста, детскую сказку!»

«Похоже, вы знаете Слово Божье и без моих слов», — сказал Лазарь.

«Почему вы просите меня поделиться Истиной, а потом отвергаете её?»

Рыбак пожал плечами. «Если бы я в одном предложении рассказал вам обо всем, что не так с вашей верой, вы бы, возможно, с удовольствием отмахнулись от всего этого простым взмахом руки. Мне не хочется тратить столь значительные и долгие усилия на тщательное рассмотрение многочисленных аспектов ваших ложных представлений, лишь для того, чтобы вы ответили странным и бессмысленным упреком, таким незначительным, как : „Я вам не верю“ или „ Это не так“. Поэтому ваше внимание и активное участие, безусловно, необходимы. Не хотели бы вы принять участие в таком откровенном обмене в поисках Истины, мой славный Лазарь Гогу — сын Ивана Гогу?»

Лазарь покачал головой. Он сердито посмотрел на мужчину. «Нет, я так не думаю».

«Ни капельки? Твоя пасть, испещренная собачьими зубами, умоляет о тишине, но глаза говорят об обратном. В них я вижу неистовое любопытство и жажду ответов на твои многочисленные мучительные вопросы».

«И, возможно, вы видите и слышите только то, что желаете видеть и слышать, мой столь же славный Амад Гастон, сын Барабасса Гастона?»

Рыбак рассмеялся и погрозил пальцем Лазарю. «У тебя острый ум!»

Превосходно сказано! Тогда, возможно, мы оба совершаем похожие ошибки в предусмотрительности — вы, с тем, что вы не можете считать принципиально неправильным в своей вере; а я, с «Чего я не должен видеть в твоих все еще голодных глазах», — Лазарь стиснул зубы, когда тот продолжил: «Теперь, поскольку я мудр и готов, мой крылатый, я поделюсь с тобой самой истиной о людях и их богах».

«Неужели?» — проворчал Лазарус, мельком оглядев дверь за собой, в то время как рыбак украдкой взглянул на свой потерянный нож.

«В самом деле, — подтвердил мужчина. — Дело в том, что, подобно тому как дети находят утешение в присутствии родителей, так и их родители находят утешение в Боге. И подобно тому как дети просят родителей о руководстве, уверенности и милосердии, так и их родители молятся Богам о руководстве, защите и благодати. В конце концов, когда родители были еще детьми, они тоже страдали от невинности, страха и глупости».

«Вы понимаете, что я имею в виду?»

Хотя Лазарь и понял смысл его слов, он ничего не ответил, будучи полностью поглощен кажущейся нелепостью странного, если не фантастического, зрелища перед ним. Завороженный, он смотрел на рыбака, который продемонстрировал поразительную проницательность и трезвый взгляд, а затем начал читать ему лекцию из-за трупа, который всего мгновение назад он же и раздевал, а затем лизнул ему глаз.

«Твоим молчанием я призываю тебя, чтобы ты привёл меня», — сказал рыбак, обращаясь к Лазарю. «Теперь я открою тебе ещё большую истину, которую ты непременно отвергнешь из-за своей веры. Она такова: Великий Творец — это всё. И поскольку это всё, Он не имеет ни знакомого лица, чтобы утешить нас или успокоить; ни отеческих рук, чтобы дать нам уверенность или защиту; и ни материнского языка, чтобы утешить нас или исцелить наши страдания». Он погрозил Лазарю указательным пальцем. «Теперь ты знаешь, почему существуют книги и сказания о богах. Люди ритуально пишут и говорят о богах между собой, специально для того, чтобы убедить себя, всех вместе, в существовании богов. И в своих заветных листах Священного Писания — в своих проповедях — они наделяют богов лицом, формой и именем. И подобно верующим в твоего Бога, они называют его «Он, Отец, Господь и Царь» и наделяют его такими качествами, как «гнев, милосердие, скорбь и благодать»; как будто они создали своего Бога по образу и подобию своему». Рыбак усмехнулся. «А теперь ответь мне, о славный Лазарь: если свиньи могли удивляться себе и всему миру; если они были столь же способны, как человек, то не могли бы они также писать и говорить о богах, которые были бы по образу и подобию своему?»

«Если ваше сердце принадлежит Богу, то я не думаю, что вам следует удивляться тому, чего не могут сделать свиньи», — сказал Лазарь.

«А если ты не удивляешься ничему, чего нет, — подобно способным свиньям, — то как же ты можешь в полной мере постичь то, что есть, — подобно самому себе, неспособному?» — саркастически спросил мужчина.

Лазарь сжал челюсти. «Мне нет нужды защищать моего Бога перед лицом Его врагов; и я, со своей стороны, считаю, что в своей вере и понимании я вполне способен понять, что у тебя таких же способностей нет».

Рыбак тихонько рассмеялся и отмахнулся от него рукой. «О, и всё же я так же верю в свои способности и в Великого Творца, как и вы, в глупые представления и слепые убеждения, чтобы скрыть от вас горькую правду о безжалостном и полном злом мире». Он пожал плечами. «Все они так делают — так же, как и вы. Они предпочитают верить в лучшее место и в заботливых богов, которые утешат их многочисленные жизненные невзгоды». Мужчина опустил голову и тяжело вздохнул.

«Однако, к сожалению, они остаются в жестоком мире; и их боги — всего лишь отчаянные попытки придать знакомый облик бесформенному и безликому Великому Творцу». Он, задыхаясь, откашлялся и добавил: «В своих мечтах о лучшем мире они отказываются смотреть на мир, созданный Великим Творцом». Мужчина закрыл глаза и, казалось, заплакал, когда Лазарь наклонил голову.

Лазарь вздрогнул, когда мужчина хлопнул рукой по полу и разразился громким смехом. «Какие жалкие твари!» — воскликнул он. «Их боги — всего лишь жалкие кукольные человечки, не похожие на Великого Творца!» Он снова рассмеялся. «И более того, они не только утверждают, что их Бог — Великий Творец, но и многие из них клянутся, что Великий Творец вселил свое семя в женщину и породил бога-человека!» Он усмехнулся и покачал головой. «Из всех...» «Глупые представления — человек-бог, которому они поклонялись и которого убили». Его выражение лица внезапно сменилось на задумчивое. Он посмотрел на Лазаря и почесал бороду. «Неужели ты можешь поверить в такую глупость?» Затем он подмигнул и усмехнулся.

Под спиралевидным пламенем факелов и в холодном взгляде мужчины, возможно, Лазарь мог бы обнаружить тот же пылкий и холодный взгляд, что и когда-то в глазах его матери, — ту же бессердечную страсть, пылающую в них. Он ответил рыбаку цитатой из Священного Писания: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную».

В театральном жесте мужчина поднял одну руку высоко в воздух и прижал другую к груди, говоря: «Послушайте! Ваши слова — настоящие кинжалы в моём сердце, так ранить меня! Вы хорошо их приготовили, — воскликнул он насмешливо, — так неожиданно, так свежо сказано! Ваша мудрость ...»

Лазарь изменил позу и взглянул на лезвие для снятия шкуры, когда тот, безвольно опустив руки, повернулся к Лазарю с напряженным выражением лица и добавил: «От кого бы ты ни позаимствовал эти слова, вернись к нему и скажи, что они пусты и лишены мудрости». Он щёлкнул пальцами и указал на Лазаря. «Более того, ты должен ему сказать». «Он вдвойне глупец — во-первых, потому что поверил этим словам в правду; и во-вторых, потому что убедил тебя вести себя по отношению ко мне так же самонадеянно и назидательно, как и по отношению к тебе!» Рыбак крепко обнял себя, прижался спиной к стене, сидел неподвижно и с каменным лицом, глядя на Лазаря.

Лазарь задумался о внезапном изменении своего состояния. Он мог вспомнить лишь три случая за свою жизнь, когда он испытывал ту же самую обиду, которая в данный момент, казалось, согревала его. Он вспомнил вспышку гнева, когда капитан убил его отца — зрачки его глаз сузились. Он вспомнил свою обнаженную мать, которая подорвала его авторитет. Он разрушил свою веру и попытался убить его крылатым чудовищем — он сжал кулаки и Лазарь сжал челюсти, обдумывая шепот солдат Хьюгона, обвинявших его в том, что он — крылатое чудовище, которым он на самом деле не был. Капелька пота выступила на его лице, когда Лазарь стал изучать явно способного человека перед собой, который вел себя как чудовище и насмехался над самими основами его веры. Он глубоко вздохнул и испепеляющим взглядом посмотрел на человека, осмелившегося отбросить саму основу его утешения, а вместе с ней и уверенность в том, что он в основном похож на своего отца и ни в чем не похож на свою чудовищную мать.

«Ничего подобного матери — не настоящая чудовищная особа», — утешал он себя, расслабляясь со вздохом и своеобразной улыбкой, отвечая: «Я не заимствовал эти слова у кого-либо, как вы утверждаете. Это Слово Божье, из Священного Писания. А поскольку вы утверждали, что знаете Писание, но, похоже, не помните Слово Божье, когда оно вам открывается, то, возможно, вы солгали?»

Рыбак ответил той же своеобразной улыбкой. «Я не лгу. И, если позволите, пожалуйста, постарайтесь помнить, что я человек чести и даже хорошо осведомлен. Я помню ваше Священное Писание целиком — каждое слово и каждый стих, во всем его объеме». Тем не менее, хотя вы можете обрести способности, превосходящие способности любого обычного человека, я не такой человек». Он откашлялся и снова улыбнулся. «Так скажите же, мой славный Лазарь, летающий христианин ночного неба, одетый в чёрное;

Вы тоже занимаетесь ведением записей?

«Я пишу книжным почерком, — ответил Лазарь. — Однако, если ты знаешь каждое слово каждого стиха Писания, как утверждаешь, то можешь прочитать стих из 2 Царств, 35 из 17?»

Рыбак поморщился и скривил губу. «Умно с вашей стороны выбрать именно этот стих в качестве проверки моих способностей. Тем не менее, я принимаю ваш вызов и ожидаю...»
«Последовательно повторите то же самое». Он глубоко вздохнул и быстро проговорил стих: «Не бойтесь других богов, не кланяйтесь им, не служите им и не приносите им жертв». Мужчина хлопнул в ладоши и добавил: «Вот и всё». Позвольте мне еще раз напомнить вам, что я поклоняюсь только Великому Творцу и не служу таким богам, как ваш». Он указал на Лазаря. «Твоя очередь — расскажи мне о Притчах, глава 1, глава 8. Как она читается?»

Лазарь вспомнил это вслух, сказав: «Разве не призывает мудрость? Разве не призывает разумение?»
«Произнести свой голос?»

«Ах!» — воскликнул мужчина, приподняв бровь. — «Возможно, в вас есть что-то еще, что пока не раскрыто?»

Лазарь кивнул. «Возможно, вы поняли, что мне не нужно хвастаться своими способностями? И всё же, раз уж вы настаиваете на этом — как и вы, — я знаю каждое слово каждого стиха Священного Писания, Амад Гастон, рыбак и поэт, сын Варабаса Гастона».

Мужчина поднял вторую бровь, такую же, как и первую. «У вас тоже есть дар — дар нераздельной памяти?»

«Я помню то, что вижу и слышу, если именно это вы имеете в виду», — заявил Лазарь .

«Увидев или услышав что-то лишь однажды, вы навсегда это запомните?»

— До сих пор, — холодно ответил Лазарь, — но я не жил вечно; а вы?

Мужчина, явно потрясенный, хлопнул себя по лбу и, обращаясь к потолку, сказал: «В За всю свою жизнь я не встречал никого подобного себе! А у этого есть крылья! Вот это да! «Великий замысел, так создал нас Великий Творец!» Он бросил на Лазаря, казалось, радостный взгляд и добавил: «Возможно, мы с тобой больше похожи, чем я предполагал сначала!»

Лазарус взглянул на лежащий между ними труп. «Мы совсем не похожи».

«О, но это так», — настаивал мужчина, размахивая руками. «У нас одинаковый замысел; у тебя и у меня, поскольку мы оба одарены и прокляты одним и тем же — мы полностью осознаём себя». Он откинулся назад и прищурился, прежде чем спросить Лазаря: «Сколько раз ты перечитывал одни и те же стихи из своего божественного текста?» «Священное Писание — это Слово Божье, а не богоугодный текст», — ответил Лазарь. «И я много раз читал эти стихи, и вам следует делать то же самое».

Мужчина скривил лицо. «Тогда зачем вам читать то, что вы уже читали, „чтобы ваши воспоминания не были хуже, чем вы утверждаете?“» «Мое знание Слова Божьего не делает меня его знатоком», — заявил Лазарь. «С каждым новым прочтением я нахожу в тексте новый смысл». Затем он наклонился вперед и, ... Уперев кулак в пол, Лазарь заключил: «Даже полное воспоминание не придает всего смысла тому, что вспоминается».

Мужчина прислонился к стене, усмехнулся и принялся хрустеть костяшками пальцев. «Возможно, вы говорите правду, поскольку воспоминания не приводят к пониманию; однако я не помню, чтобы между нами был какой-либо разговор о «понимании» слов». Он поднял бровь и кивнул. «Тем не менее, поскольку вы приводите нас к корню дерева, который включает в себя само значение написанного слова, возможно, мне следует поделиться с вами тем, что существует множество способов оценить значение написанных произведений, помимо того, что в них написано». Мужчина покачал головой. «Ты утверждаешь, что перечитывал свой божественный текст снова и снова, хотя бы для того, чтобы лучше понять его смысл. Ответь мне на этот вопрос: задумывался ли ты хоть раз над смыслом его стихов, исходя из слов и понятий, не содержащихся в них? Взвешивал ли ты их смысл, учитывая всё, что в них не сказано? Уловил ли ты больше смысла в этих стихах благодаря тщательному подбору слов, понятий и повторений? Или ты был настолько полностью очарован чтением стихов, что не смог увидеть весь смысл своего божественного труда?»

«Я читаю ваши Писания не для того, чтобы узнать, чего в них нет; так же, как я не читаю о птицах, чтобы узнать, как делать хлеб или вино. Вы говорите, но ничего не говорите». «О, но я это делаю; это ты слушаешь, ничего не слыша. Скажи, пожалуйста, сколько текстов ты прочитал, Лазарь?»

"Много."

Мужчина кивнул, явно задумываясь. «Много? Тогда скажите, сколько из этих текстов были божественными? Сколько из них говорили о разных богах и верованиях — тех, которые отличаются от этих священных текстов, которые вы теперь принимаете за истину?»

«Я не такой, как вы, чтобы поклоняться множеству богов, фантазий и глупостей. Есть только один Бог, одно Слово и одна Истина; и мне нет нужды читать о лжи».

«И я ожидал такого ответа. Тем не менее, я поделюсь с вами такими мыслями, которые вы категорически отказываетесь слышать. А именно: как каждый человек рождается, так и каждый человек умирает. И поскольку никто не желает умирать — поскольку каждый человек желает жить вечно — люди придумали способ и средство, чтобы избежать мучительных размышлений о собственной смерти. Что вы думаете об этой истине?»

«Возможно, вы сможете обдумать свою кончину в тишине, не так ли?» — спросил Лазарус, еще раз взглянув на слабое свечение порога двери.

Рыбак усмехнулся и продолжил: «Как и у любого человека, независимо от веры, ваше устройство...»

«Это ваш божественный текст, а ваши средства — его написанные правила. Из всех различных вероисповеданий, с которыми я сталкивался в свои дни, я

обнаружил, что у них есть общее понимание. В основе всех них лежат священные надписи, которые утверждают, что созданы Богом. И в этих надписях и божественных текстах есть написанные правила. Правила различаются в зависимости от вероисповедания и народа; однако я обнаружил их сходства и нашел их совершенно непримечательными. Хотите ли вы услышать единственное правило, которое их объединяет?»

Лазарь отмахнулся от мухи и отпустил Амада, обратив внимание на нескольких тараканов, собравшихся перед ним на полу — казалось, они знакомились друг с другом парами длинных волосков, прикрепленных к их головам.

Мужчина продолжил: «Единственное правило для всех них таково: если человек принимает божественные предписания своей веры за истину и повинуется их правилам, то он будет жить вечно в счастье и мире. А если человек не принимает предписания за Истину, то он также будет жить вечно, но в печали и боли». Он усмехнулся. «Что?»

«Что это говорит вам о ваших собственных священных текстах, если рассматривать их в том же свете, что и другие божественные надписи? Что это говорит о любой надписи, независимо от веры, которая претендует на божественность?»

Лазарь покачал головой. «Возможно, в тебе есть что-то еще, тоже нераскрытое. Это

Возможно, именно то, чего вы не говорите, больше всего говорит о вас. Я спрашиваю вас : из всех этих верований, свидетелем которых вы были, и во всех словах, которые вы читали о них, нашли ли вы хоть одно утверждение, восхваляющее вас за злодеяния , которые вы совершили здесь?» Он указал на труп. «Какая вера из всех тех, которые вы утверждаете, что знаете, может объявить ваши убийственные деяния добрыми или праведными?»

Мужчина усмехнулся и наклонился вперед в ответ: «Ваш личный Лазарь».

«Нет, не мой. И вы всё ещё утверждаете, что не лжёте?»

«Помните, что я не лгу. Ваше искажение истины не означает, что я говорю неправду. Это лишь означает, что вы должны смотреть дальше того, что вы считаете истиной».

«Не убивай и не кради. Нет большей истины, чем Слово Божье». от Бога.

Мужчина откинулся назад и кивнул. «Задолго до этого я ожидал от вас подобных слов ; и с тех пор я подготовил вопрос, чтобы ответить на ваше утверждение. Я спрашиваю вас вот что: если «У вас было глубокое понимание, вы знали способ победить Дьявола, порожденного вашей верой, и очистить мир от зла. Тогда вы убьете своего Дьявола?»

Лазарус прищурился. «Я знаю, чем вы здесь занимаетесь, убиваете женщин, чтобы украсть их одежду».

«Я спрашиваю и вас вот что, — продолжил мужчина, — если бы у вас была возможность украсть силы вашего Дьявола и тайно спрятать их, чтобы они навсегда исчезли с лица земли, то стали бы вы красть у своего Дьявола?»

В голове Лазаря промелькнули воспоминания о гигантской летающей свинье ; он ответил: «Дьявол предстанет перед Богом и ответит за всякое злодеяние. Я не Бог, и мне не нужно удивляться тому, чего не должно произойти. И я думаю, что с тобой что-то не так, раз ты удивляешься таким вещам».

Мужчина упрекнул его: «И я думаю, что с твоей верой что-то не так , что мешает тебе выйти за её пределы. Тем не менее, я предвидел, что ты не убьешь своего Дьявола, даже чтобы спасти мир. В конце концов, твоя вера учит тебя быть осторожнее, когда речь идет о спасении самого себя от самого себя».

Лазарь покачал головой. «Бог отдал Своего единородного Сына ...»

«Как скажете!» — воскликнул мужчина. «Однако мы говорим не о даровании жизней, а о...»

«Их отняли! Если бы ваши Писания не говорили, что люди отняли жизнь у вашего человека-бога, то ваши же Писания не могли бы говорить о том, что ваш Бог отдал жизнь Ему, не так ли?»

Те люди, которые распяли Христа, не были подобны Богу, Амад. Они делали только то, что им было позволено Богом, какой бы ценой они ни заплатили в конце.

«Именно так, Лазарь. Ты говоришь достаточно правдиво в своей вере, чтобы загнать меня в угол — как я и ожидал». Рыбак жестом указал на труп, протянув руку, и добавил: «Великий Создатель дал мне возможность отнять несколько жизней, чтобы я мог спасти гораздо больше. Я спрашиваю тебя сейчас: разве какое-либо злое деяние, совершенное исключительно против зла, не является добрым деянием?»

Лазарь поднял бровь. «Убийство — это не спасение».

«Убийство ведьм спасает мир», — возразил мужчина, сузив взгляд. «Если бы им позволили жить, они бы продолжали сеять зло, сея смерть, разложение и дурные предзнаменования среди всех добрых народов земли».

Лазарь взглянул на мертвую и в целом ничем не примечательную женщину и спросил: «А как вы можете быть уверены, что она ведьма?»

Мужчина фыркнул, явно пораженный наглостью Лазаря задать этот вопрос.

Затем он задал свой собственный вопрос: «Откуда опытный кузнец узнает коня? Откуда верховный жрец знает знаки и признаки зла?» Он прорычал Лазарю: «Не смей оспаривать мою мудрость. Я опытный и искусный охотник на ведьм. Ты ничего не знаешь — ничего — о колдовстве и деяниях ведьм и старух!»

«Как вы и сказали, — согласился Лазарь. — Правда, я мало что о них знаю. Именно поэтому я и прошу вас предоставить такие доказательства». Он указал на лежащий труп. «Можете ли вы предоставить доказательства того, что эта женщина, или любая другая, — ведьма?»

Мужчина испепеляющим взглядом посмотрел на Лазаря, прежде чем признать: «Охота на ведьм — дело не совсем точное, мой славный и любопытный крылатый человек. Нельзя получить абсолютные доказательства из несовершенной практики. В отличие от вашей простой веры, мир Великого Творца не так прост и упорядочен, как вы могли бы предположить, — он полон сложностей, замысловатостей и множества оттенков серого».

Лазарус кивнул. «Тогда, позвольте мне истолковать ваш сложный ответ как однозначное подтверждение того, что вы так и делаете». у вас нет доказательств того, что она ведьма, — или, как вы могли бы мне сказать, «сложностей» и «оттенков серого» в попытке завуалировать простую истину, что вы «У вас нет таких доказательств». Он наклонился вперед, продолжая давить на мужчину. «Я полагаю, что вы не можете доказать, что кто-либо из ваших жертв был ведьмой. Более того, я полагаю, что вы видите в них ведьм только после того, как засматриваетесь на их одежду и обувь». Он указал на верстак со сложенными платьями. «Иначе зачем бы вы так тщательно их размещали?»

«Лжец!» — воскликнул рыбак, хлопнув по полу. «Я делаю это не для себя, а для тебя — для всех!» Мужчина сердито грозно погрозил указательным пальцем. «У тебя просто глаз, ты видишь только день или ночь, не обращая внимания на сумерки или рассвет!» «Ты считаешь вещи либо добрыми, либо злыми, не оценивая их смысла и степени правильного и неправильного!» — и снова хлопнул он по полу. «Как вы смеете предполагать, что знаете мои намерения, лишь наблюдая за моими действиями, смысл и методы которых вам до сих пор неизвестны — как вы смеете судить меня!»

Лазарь поджал губы и поднял бровь. Затем он холодно ответил: «Возможно, у меня простой глаз. И всё же мой простой глаз ясно видит, что вы окружаете себя одеждой и обувью, украденными у тех, над кем вы вынесли приговор и кого сами же приговорили к смерти». Он тяжело вздохнул. «И вы утверждаете, что делаете это не для себя, а для меня — и для всех. Как такое может быть?»

Мужчина усмехнулся: «А вы знаете, почему так мало знаете о ведьмах?» «Я никогда не видел ведьм, — ответил Лазарь, — и не слышал о них, кроме как в Священном Писании». «Именно! Вы никогда не видели ведьм, ведь верные охотники на ведьм, подобные мне, очищают мир от них. И я не одинок в этом праведном стремлении. Даже духовенство вашей церкви стремится сделать мир лучше, выискивая и уничтожая ведьм. Их зло распространяется повсюду, к чему они прикасаются. Мы делаем то, что должны. Охотник на ведьм не получает удовольствия от своего долга; он просто делает то, что правильно».

Лазарь бросил взгляд то на верстак, то на мертвую женщину, прежде чем

Комментируя: «Если охотник на ведьм стремится избавить мир от зла, исходящего от ведьм, а ведьмы распространяют зло через всё, к чему прикасаются, то почему охотник на ведьм может желать одежду и обувь ведьмы? И стал бы охотник на ведьм...»
«Разве он не станет еще более злым в своей борьбе с ведьмами, когда так часто поднимает на них руку?»

«Почему тебя так привлекают одежда и обувь? Послушай!» — взревел рыбак. «Одежда и обувь — обувь и одежда! Мы говорим о ведьмах. С тобой что-то не так? Ты не можешь видеть дальше себя?»

"Я могу."

«Тогда окажите мне эту честь», — воскликнул мужчина.

Лазарь кивнул, обдумывая вызов. Он указал на мертвую женщину между ними. им, спрашивая: «Во-первых, вы помните имя этой женщины?»

«Ведьма; старуха; ведьма — одно имя подходит как нельзя лучше», — резко ответил мужчина.

Лазарь пожал плечами. «Возможно, это Амад Гастон в полном облачении, сын Варабаса».

Гастон желает, чтобы она была безымянной и обнаженной, не так ли?

Мужчина испепеляющим взглядом смотрел на него, пока Лазарь продолжал:
«Однако, если эта женщина вдруг оживет и даст правдивый отчет обо всем, что она знает, и я спрошу ее, чем мертвая и нагое ведьма отличается от мертвой и одетой ведьмы, то как она сможет мне ответить?»

«Оно не оживёт! А ведьмы только лгут!» — прорычал мужчина, вскакивая на ноги. — «Кто ты такой, чтобы пробираться в мой рыбный дом и насмехаться надо мной в компании ведьм?»

Лазарь быстро поднялся и сделал несколько шагов вперед. «Оставайся на месте!»

Мужчина вырвал глаз из-под лезвия для снятия шкуры и бросил вызов Лазарю: «А если я это сделаю?»
— Нет? Что же ты будешь делать — убьешь меня? — Он усмехнулся. — Я помню правила, которые тебя связывают: — Ты не должен ...

Лазарь частично расправил крылья, открыл рот и тихо зашипел, так что Мужчина мог видеть всю длину своих зубов.

Мужчина отступил назад и прислонился к стене. «Возможно, в вас есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд. Вы пытаетесь меня запутать, не так ли?» Он надавил на нее.

Он прижал пальцы к вискам и, явно испытывая боль, прищурился. «Как и они, ты пытаешься вселить в мой разум злые идеи». Он потер лицо, глубоко вздохнул и слабо улыбнулся. «Однако ты не сможешь использовать свое зло против опытного охотника на ведьм, мой славный Лазарь».

«Ваши мысли принадлежат только вам, вместе со злом, которое в них таится». «Это ты сам себя губишь».

«Тишина!» — выплюнул мужчина, с трудом сдерживая слезы, и широко раскрытыми глазами стал осматривать стены. «Слушайте, слушайте!»

«К чему же мы прислушиваемся?»

«Тише, послушайте их сейчас же — из-за двери!» — воскликнул он, держась за голову одной рукой и указывая пальцем на высокую, потрепанную дверь. «Опять шепчут свои заклинания. Прикройся! Поторопись, мой добрый летающий человек!» Мужчина бормотал бессвязную тарабарщину, постукивая пальцем по разным частям своего тела; однако, в отличие от священника, который мог бы намеренно перекреститься, как это обычно делают с распятием, рыбак лихорадочно трогал себя повсюду и в каком-то непонятном порядке — лоб, ребро, глаз, колено, язык...

«Что ты делаешь?» — спросил Лазарь, наклонив голову.

«Берегись, Лазарь! Следи за своими мыслями перед лицом зла — этих злых коварных замыслов ведьм! Думай только о чистом, чтобы не погибнуть изнутри!»

Лазарь бросил взгляд то на высокую потрепанную дверь, то на рыбака, которого он там обнаружил. Он был полностью поглощен собой; казалось, он был полон решимости прикоснуться к каждой выступающей части своего тела, при этом вертя губами и бормоча поток невнятных фраз, которые могли бы напоминать чтение молитвы на неизвестном языке.

«Прочисти свой разум», — посоветовал мужчина Лазарю. Он перестал трогать себя и приготовился к действию.

Он прижал руки к стенам, наклонился вперед, глубоко и ровно дыша, и начал читать Лазарю лекцию: «Собери свои силы изнутри. Это путь охотника на ведьм. Уподобь себя Мечу Истины — как кованный металл — перед лицом Зла».

Лазарь оглянулся и посмотрел на входную дверь, которая теперь не пропускала свет. Порог — наконец наступила ночь. Затем он оглянулся на лежащий на столе труп и высококую обшарпанную дверь, прежде чем снова перевести взгляд на рыбака, который теперь расслабленно стоял у стены, повернувшись к нему лицом с улыбкой.

«Они не смогут причинить нам вреда, — заверил он Лазаря, — теперь мы находимся под полной защитой могучих доспехов Великого Творца».

«Защита, — недоверчиво спросил Лазарь, — от мертвых?»

Мужчина энергично покачал головой и, приложив руку к уху, пристально прошептал, веля Лазарю слушать: «О, они не мертвы, мой добрый ученик; они лишь притворяются. Если ты хочешь стать таким же опытным охотником на ведьм, как я, то ты должен знать множество обычаев ведьм. Это будет твой первый урок из многих. Теперь слушай внимательно — используй свои прекрасные уши и познакомься с нежитью».

Лазарь насторожился и прислушался к звукам, доносящимся из-за высокой двери.

«О, конечно же, — настаивал улыбающийся рыбак, — послушайте, как они шепчутся друг с другом о тайнах зла». Он указал на обнаженный труп: «Это она, с еще отрубленной головой, способна призвать своих злых сестер против нас».

Хотя Лазарь внимательно следил за рыбаком, его мысли были обращены к ушам. Теперь он услышал отчетливый шепот множества женщин, которые в совокупности шипели из-за высокой потрепанной двери. Он сделал несколько шагов и прислушался внимательнее, когда продолжающиеся звуки стали более четкими. И в этом, казалось бы, приглушенном гуле он уловил шепот как обрывки фраз, и, возможно, переплетающийся диалог между шипящими ведьмами и болтливыми старухами.

Лазарус повернул покрасневшее и вопросительное лицо к рыбаку, на лице которого теперь красовалось... Кокетливая ухмылка, казалось, выражающая наслаждение новым доказательством, которое Лазарус внезапно мог обнаружить за высокой дверью. И действительно, разум Лазаруса закружился в вихре недавних воспоминаний, воспоминаний о его притязаниях на честь, правду, мудрость, безупречную память, остроумные речи, пристальное внимание к деталям —

Он отступил назад, перевел дух и прямо обратился к мужчине: «Дело не в этом».

«Шепот ведьм». Он покачал головой. «Я знаю этот звук. Это всего лишь жучки , ползающие друг против друга».

Мужчина перестал улыбаться; его лицо стало каменным, и он холодно произнес: «Насекомые не разговаривают».

«Мертвые тоже так не считают», — возразил Лазарь. «Возможно, в вашем воображении вы приняли шум насекомых за слова ведьм, чтобы поверить в ведьм, когда их не было?»

«Ведьмы повсюду — вокруг нас — везде!» — закричал мужчина, размахивая руками. «Не моя вера в них делает их реальными!» — фыркнул он. «И не ваше отрицание их существования делает их нереальными!»

Лазарь посмотрел на обнаженный труп. «Возможно, здесь есть ведьмы, как вы говорите; однако я не верю, что они здесь». Он шагнул вперед и испепеляющим взглядом посмотрел на рыбака. «Как человек чести, как вы утверждаете, — как охотник на ведьм, как вы утверждаете, — можете ли вы поклясться, что никогда не убивали никого, кто не был ведьмой?»

Мужчина украдкой взглянул на потрепанную дверь, пожал плечами и признал: «Ну, как я уже говорил, охота на ведьм — дело непростое, порой могут встречаться злые люди, которые «Проявляет все признаки колдовства, но при этом — хотя это и не совсем точно — охотится на ведьм и тому подобное». Он откашлялся и смягчил тон. «Как охотники на ведьм, мы желаем им добра и делаем все возможное, чтобы истребить их — избавить мир от добрых людей».

«Ты стараешься изо всех сил?» — спросил Лазарь.

«Мы», — рявкнул мужчина, а затем похвастался своими способностями: «Однако я более опытен — более способен, чем большинство».

Лазарус оглядел комнату. «Где остальные охотники на ведьм?»

Мужчина размахивал руками, оглядывался по сторонам и посмеивался, явно не веря своим глазам. «Мы повсюду, мой добрый человек, — разбросаны по многим землям, — всегда скрываемся!» — воскликнул тот. «Мы не представляемся открыто тем, кто может защищать ведьм. Наша жизнь — это жизнь в тайне. И помните, что не я вас нашел; это вы нашли меня и моих ведьм».

Лазарус опустил взгляд на пол, возможно, чувствуя, будто на него внезапно обрушилась вся тяжесть мира. Он смотрел на лицо лежащего на столе трупа, и в его голове звучал умоляющий голос прачки лорда д'Альсикура, спрашивающей: «О, Боже мой, ты спасёшь нас?» Он ещё раз проверил порог входной двери, которая не освещалась.

Затем он оглянулся на рыбака, который скрестил руки, и улыбнулся. «Вы — первый, кто меня обнаружил за столько же лет. И, вероятно, вы будете последним — ведь я один из лучших охотников на ведьм». Он небрежно отмахнулся от Лазаруса и продолжил: «Не волнуйтесь. Я всегда знал, что для этого потребуется нечто большее».

Меня обнаружил всего лишь обычный человек, а то, что меня обнаружил летающий человек, лишь усиливает желание узнать меня.

«Внимание к моей непоколебимой преданности ремеслу охотника на ведьм». Он перевел дыхание и усмехнулся. «И я верю, что Великий Создатель наконец-то наградил меня — летающим учеником и выдающимся охотником на ведьм. Что ты думаешь, Лазарь? Сможешь ли ты нести ведьму на лету? Сможем ли мы спасти мир — вместе?» Он хлопнул в ладоши, сжал их, словно в молитве, и стал ждать ответа.

«Здесь нет ведьм, — заявил Лазарус. — А что такое охотник на ведьм без ведьм, если не обычный убийца женщин?»

Мужчина усмехнулся и заметил: «Вы, маловерные». Он сделал несколько шагов вперед. «А если я докажу вам, что здесь действительно есть ведьмы, а не просто насекомые, которых вы, как утверждаете, слышите, поверите ли вы мне тогда?»

Лазарь взглянул на высокую, потрепанную дверь.

Мужчина кивнул: «Действительно, там». Он указал на дверь. «Вон там. Я могу». «Я покажу вам множество старух и ведьм, чьи злодеяния были навсегда искоренены. Хотите ли вы увидеть добрые дела охотника?»

Под тяжестью всего мира и со словами прачки Лазарь обдумал всё — лучшее, что мог. Он осмотрел высокую потрепанную дверь, горящие факелы на стене рядом с ней и пространство вокруг себя. Наконец, отступая к зарешеченной внешней двери рыбного склада, он ответил: «Покажите мне свои старания, пожалуйста».

«Великолепно!» — воскликнул рыбак. — «Значит, мы охотники на ведьм!» Он осторожно шагнул к высокой двери, мягко и строго отчитывая Лазаря: «Прежде чем я открою дверь, вы должны кое-что узнать о ведьмах. От этого может зависеть ваша жизнь. Вы меня понимаете?»

Лазарь кивнул, и мужчина продолжил: «Во-первых, ведьмы не умирают сразу после того, как их тела забирают. Я хочу сказать, что пока их лица полностью не иссохнут и они не вернуться в мерзкую грязь, откуда пришли, они лишь притворяются мертвыми. Они все еще способны творить зло против вас — я лишь намного позже понял, что когда они лежат вместе, их сила становится больше, чем если бы они лежали поодиночке. Однако, чтобы уменьшить это состояние, охотник на ведьм должен удалить голову убитой ведьмы, прежде чем поместить её рядом с другими подобными ей. И каждая из них должна быть расположена в точном порядке относительно следующей — от самой старой к самой новой, снаружи **внутри**.

«А если они не расположены таким образом?» — спросил Лазарь.

Рыбак погрозил Лазарю пальцем. «Никогда не совершай этой ошибки, Лазарь».

Они настигнут вас ещё до того, как вы сможете изменить их порядок действий.

«Тогда я этого не сделаю, и они меня не поймут», — подтвердил Лазарь. Он раздвинул висящие цепи и последовал за рыбаком к высокой двери.

Мужчина резко обернулся, чтобы предупредить его: «Не прикасайтесь ни к чему, что вы считаете своими ощущениями, иначе вас поразит невыносимая болезнь или безумие».

Лазарус кивнул, и, когда они приблизились к высокой двери, он снял фонарик с настенного крепления, когда мужчина резко обернулся и схватил его за руку. «Что ты делаешь?» На мгновение они замерли лицом к лицу, их взгляды, словно пылающие голубые и карие шары, встретились в свете фонарика.

«Я возьму фонарик, пока ты откроешь дверь», — ответил Лазарь.

Мужчина ослабил хватку и кивнул. «Значит, так и есть. Но ты не должен заходить внутрь».

«Вы мне слово?»

«Я не войду», — заявил Лазарус.

«Тебе ещё многому предстоит научиться», — заметил мужчина, вцепившись в металлическую защёлку двери и повернувшись к Лазарю. «А теперь о злых ведьмах этого мира. Готовы ли вы увидеть худшее — самое мерзкое и отвратительное зло — навсегда запертым за...»
«Эта дверь?»

Лазарус кивнул, подняв факел. «Только если ты это разрешишь».

«И вот», — сказал рыбак, медленно открывая высокую, потрепанную дверь.

Дверь заскрипела, когда он постепенно открыл все больше темных стен камеры. Из темноты выползали мухи, а пламя факела потрескивало, и обгоревшие насекомые сыпались на голову и плечи Лазаря. До него донесся запах гниения; его стошнило, он отступил назад и прикрыл рот рукой.

Рыбак усмехнулся, распахнув дверь. «Чтобы стать охотником на ведьм, нужен более крепкий желудок, чем у тебя. И мы над этим поработаем». Он схватил Лазаря за руку и потянул его ближе к порогу, указывая на освещенное помещение и груды трупов. «Вот ведьмы, все до единой», — сказал он, проведя рукой по гниющей куче, — «от самых старых к самым молодым; снаружи к внутренним; точно расположенные и безголовые, как и должно быть». Он резко обернулся и щелкнул пальцем перед лицом Лазаря. «Ах! А ты помнишь одну старуху, у которой был дух фамильяра в Эндоре, и которую разыскивал сам Саул? Разве ты не помнишь ее — эту ведьму из Эндора?»

«Я не помню её, но читал о ней в первой книге Самуила».

«Та самая ведьма, о которой написано в священных писаниях вашей веры», — подтвердил он, уперев руки в бока и ухмыляясь. Затем он усмехнулся и постучал себя по груди, хвастаясь: «Она была первой ведьмой, которую я поймал». Он ткнул большим пальцем в сторону комнаты. «И ее голова до сих пор у меня».

«И всё же вы называете Священное Писание ложью, написанной людьми. И вы утверждаете, что не лжете. Как же вы можете говорить правду и утверждать, что обладаете головой женщины, о которой говорится в Писании, и при этом отвергать всё, что записано в Писании?»

Мужчина сложил руки и, нахмурившись, словно желая снять с него все обвинения и намеки, ответил: «Я не отрицаю всего, что написано в твоих Писаниях, мой славный Лазарь. Точно так же, как я не отрицаю полностью и другие написанные мною произведения, которые люди выдают за божественную Истину. Все произведения богаты историей; все они полны общеизвестных истин. Как иначе мог бы хорошо образованный книжник лгать, если не говоря правду между строк?»

«Значит, вы верите, что ваши священные писания говорят правду об этой женщине из Эндора, а о Господе Всемогущем лжете?»

«Совершенно верно, как я уже сказал; у меня есть её голова», — коротко ответил мужчина, ухмыляясь. «Есть ли у вас что-нибудь от вашего Бога, чтобы показать мне в качестве доказательства?»

Лазарус сжал челюсти, глубоко вздохнул и упрекнул его: «Женщина из Эндора жила слишком давно. Я тебе не верю».

Мужчина нахмурился, зарычал и снова указал в дверной проем: «У меня она есть, вот она. И, как вы говорите, вы не верите, что у меня есть ведьмы — я покажу их вам. И вы не верите, что у меня есть ведьма с Эндора ...» — он откашлялся, — «Ваше постоянное неверие в мои способности начинает меня раздражать».

«Как вы можете быть уверены, что у вас её голова?»

«Раз уж у меня это есть, конечно! Ведьмы не умирают так, как смертные!» — воскликнул мужчина. «Неужели нужно всё увидеть своими глазами, прежде чем чему-либо поверить?»

«Если вы позволите», — заявил Лазарус.

— Хорошо, тогда. — Рыбак фыркнул, явно протестуя. — Однако я немедленно ожидаю от вас проявления немного веры в то, чему я вас учу. Как учитель и опытный охотник на ведьм, я не ожидаю, что вы будете оспаривать каждое мое слово. А теперь дайте «Мне нужен свет, чтобы видеть дорогу». Он втянул руку Лазаря с факелом в дверной проем, вошел внутрь и, обойдя груды трупов, продвинулся дальше в комнату. Он крикнул в ответ: «Если смотреть снаружи внутрь, то ее голова находится дальше всех».

Лазарь увидел свой момент. Он потянулся к краю открытой двери, но остановился; его вытянутые пальцы почти коснулись серого дерева. Он остановился и отдернул руку.

Голос рыбака становился всё более приглушённым и отдалённым, когда он, находясь в глубине тёмной комнаты, крикнул: «Это голова той самой ведьмы, которая притворялась моей матерью!» и который пытался убить моего отца, пока тот спал.

И снова Лазарус поднял руку и схватился за деревянный край двери, намереваясь на этот раз закрыть и запереть ее; однако его рука не смогла захлопнуть дверь. Он поморщился, вздохнул и отступил назад.

Голос рыбака был слабым, но слова разносились отчетливо. «И когда я хоронил отца, я выкопал из могилы мерзкую ведьму...»

Лазарь стоял рядом с лежащим на столе трупом. Он заметил его пустой взгляд и отступил назад, подойдя ближе к входной двери дома. Он осмотрел темный порог двери, убедившись, что уже наступила ночь. Внезапно его уши насторожились, а взгляд закатился к высокой потрепанной двери, которая теперь сама собой заскрипела. Ни сквозняка, ни крысы, ничто не могло бы закрыть дверь, но она продолжала тихо скрипеть своими ржавыми петлями. Медленное движение Дверь наконец преодолела половину своего пути, когда из задней части вертикальных досок, тянувшихся к двери, показались мертвенно-бледные пальцы и черные ногти, которые стали видны в свете свечей в комнате.

Он напрягся и зашипел, когда Люцифаэль бесшумно вышел из отступающей тени. высокой, обветшалой двери. Она закончила закрывать дверь, осторожно защелкнув ее и заперев рыбака внутри. Затем она повернулась и прямо посмотрела на Лазаря отражающими, немигающими глазами, похожими на шары из черного стекла. Она заговорила, ее многослойный голос звучал как напев, словно напевая мелодию множества женщин одновременно: «Ты был так близок, Эльо. И все же ты просто не смог заставить себя закрыть дверь, даже чтобы спасти жизнь другого. Кем это делает тебя, Эльо? Божественным? Святым? Скажи! Неужели ты заслуживаешь этого болезненного сияния Трона над своей головой, если тебе не хватает решимости даже закрыть одну зияющую дверь, которая могла бы спасти жизни многих? Твоя набожность и слабость действительно станут твоей погубелью. Ты такой предсказуемый, Эльджо — тебя так легко понять. Зачем вообще стараться?»

Приглушенный голос рыбака в панике закричал: «Что ты делаешь, Лазарь? Открой дверь! Боже мой, они шевелятся! Они ползут! Открой ее сейчас же, Лазарь!» «Сейчас! Они стоят без голов! Нет! Лазарь!»

Люцифаэль направилась к Лазарю. Перед ней расступилось море ползущих тараканов, открыв свободный проход по половицам для ее дальнейших шагов. Она окружила Лазаря, уперев его крылья во внешнюю дверь и ее все еще надежно закрепленную перекладину. Когда он больше не мог отступать, она наклонилась к нему вплотную и отчитала: «Ты здесь только благодаря моему быстрому вмешательству. Это я спасла тебя из того замка и отправила в путь. Я была твоей единственной летающей персоной».

Свиной гигант, выросший из моих собственных волос. Без моей помощи тебя давно бы растерзали и сожгли дотла. И все же ты стоишь здесь, живой и дышащий, и теперь безмерно благодарен мне за освобождение из плена.

Она отошла от лица Лазаря и, пытаясь продолжить, осмотрела столь же обнаженный труп на столе. «В качестве платы за ваше спасение я ожидаю, что вы продолжите свой путь в монастырь Канчелло в Италии. И когда последний камень ворот под алтарем собора откроется, я вознагражу вас тем же. В обмен на ваши услуги я предоставлю вам

«Я дам тебе всё, что угодно», — прервал рыбака отчаянной мольбой. «Только открой дверь, Лазарь! Всё, что пожелаешь — всё что угодно! РАДИ БОГА!»

Он начал стонать и плакать.

Заметно раздраженная, Люцифаэль резко повернулась и цокнула ногтями в дверь. Мольбы рыбака превратились в мучительный, удушающий визг — глухой стук раздался о внутренние стены комнаты, и в рыбацком доме воцарилась новая тишина.

Она повернулась к Лазарю. «Когда ты прибудешь в Канчелло, я открою последний Камень Врат — ты откроешь его для меня. Я буду твоим проводником к словам порядка, заложенным в камне, и к их правильному произнесению».

«Я к нему даже близко не подойду », — ответил он, прижимаясь к двери.

Она бросилась на него. «Убирайся! Не смей проявлять неуважение и испытывать мое терпение, Эльджо!»

«Открой дверь и взлети в небо, ПРЯМО СЕЙЧАС!»

Он поднял перекладину и отбросил её подальше от дверного проёма.

«И не задерживайтесь слишком долго».

Лазарус шагнул в темноту и обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на это гниющее место. Сквозь тускло освещенный интерьер рыбного склада он заметил, что труп на столе сдвинулся, его вытянутая рука свисала с края столешницы и была направлена в его сторону, словно явно тянулась к нему. В тени плывущих теневых полотен и мерцающем свете огня на столе мертвое лицо, казалось, провожало его быстрым подмигиванием и мирной улыбкой.

«Поторопись!» — прорычал ему вслед Люцифаэль.

Он отступил из этой мерзкой хижины, его разум был охвачен множеством неприятных образов и звуков, которые, как он знал, навсегда останутся слишком запутанными и ужасными, чтобы их забыть. Он осознал, что они уже врезались в стены его сознания и могут преследовать его до конца его дней. Теперь они стали частью его самого, так же, как его руки, ноги и крылья. И он знал, что это те самые воспоминания, которые со временем меняют сознание, к лучшему или к худшему, — и теперь они были внутри него. Их нельзя было смыть, вырезать или вырвать, не разрушив при этом себя. Подобно гнилостному запаху, который все еще оставался в его одежде, эта мерзкая хижина теперь стала неотъемлемой частью его самого — что может даже изменить его, если только более чем немного.

Он раздвинул сорняки, оглядел залитое звездами небо и взмыл вверх, оставив за собой рой насекомых. За ним следовали взлетающие и спиралевидные мухи. Он кружил над кроной кипарисов, прежде чем взлететь к звездам, где, наконец, совершил поворот на юг.

В своем воображении — в соответствии с воспоминаниями о давно изучаемых картах аббатства и с врожденными навигационными способностями любой перелетной птицы — Лазарь выровнял свой предполагаемый маршрут полета прямо по северным берегам Леонского залива. В безветренный прохладный вечер он выровнялся и направился к далекому итальянскому монастырю Канчелло в Умбрии, где мог бы забрать местного монаха и доставить его обратно в Овернь, Франция, чтобы закрыть Камень ворот аббатства Гардьен, который своенравный, мстительный и глупый кардинал из Авиньона, используя украденные рукописи из охраняемых архивов апокрифов Верхнего совета, неуклюже, но успешно взломал.

[Конец главы 17]

Это литературное произведение было создано исключительно в память о...

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~